

ИСТИНА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена вопросам объективной истины как цели доказывания, ее соотношения с целью доказывания, роли суда в установлении объективной истины по уголовному делу. Затронуты проблемы реформирования уголовно-процессуального законодательства. Утверждается о возможности установления объективной истины в результате уголовно-процессуального доказывания, ошибочности исходить в современных условиях из тождества цели доказывания и цели уголовного процесса в целом, а также о недопустимости возложения на суд обязанности восполнять пробелы доказывания, допущенные органами уголовного преследования в досудебном производстве.

Ключевые слова: уголовный процесс, цель доказывания, объективная истина, уголовное преследование, суд.

Современное, существующее в настоящее время российское уголовное судопроизводство интенсивно меняется. В его правовую регламентацию постоянно вносятся новые и новые изменения. Куда оно движется и к чему в конечном итоге придет — данный вопрос весьма занимает сегодня представителей науки уголовного процесса. Пристальное внимание уделял и уделяет ему и один из наиболее известных российских ученых-процессуалистов С.А. Шейфер [1, с. 35–42; 2, с. 28–36], 90-летний юбилей которого в текущем 2014 году по праву заслуживает признания в качестве значительного и яркого события отечественной юриспруденции. В оценке определения возможных путей дальнейшего нескончаемого реформирования нашего уголовного судопроизводства, временами напоминающего полигон для законодательного экспериментирования над его содержанием, важнейшая роль принадлежит решению вопросов уголовно-процессуального доказывания, среди которых особенно значимым представляется вопрос об истине по уголовному делу.

С.А. Шейфер, интерес которого к доказательству и доказыванию в уголовном судопроизводстве привел к появлению из-под его бойкого пера целого ряда научных трудов по указанной тематике, неизменно считал объективную истину целью доказывания, причем он всегда исходил из реальной возможности достижения по уголовному делу объективной истины. Когда в конце прошлого века бушевали научные страсти по поводу проблем истины в связи с разработкой нового уголовно-процессуального законодательства и стало модным рассуждать о невозможности познать обстоятельства совершения преступления так, как «было на самом деле» [3, с. 243], он со всей убежденностью обоснованно заявил, что какие-либо утверждения о невозможности достижения по делу объективной истины несостоятельны [4, с. 15]. Стоит

* © Шадрин В.С., 2014

Шадрин Виктор Сергеевич (vikt-shadr@yandex.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 191104, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., 44.

отметить, что данное утверждение было не только довольно категоричным, но и достаточно смелым для того периода времени, когда далеко не все ученые считали возможным подобную смелость себе позволить, определяясь, куда окончательно, в какую именно сторону подует политический ветер.

В последнее время вопрос об истине в уголовном судопроизводстве весьма актуализировался в связи с продвигаемой представителями Следственного комитета России идеей законодательно решить данный вопрос и желаемой для них интерпретации. На рассмотрении Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации сейчас находится внесенный депутатом Госдумы по инициативе СКР законопроект № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института объективной истины». В нем есть предложения, на которые можно было бы внимания не обращать, и предложения, нуждающиеся в принципиальной оценке.

К первым из них относится, например, предложение ввести в ст. 5 УПК РФ п. 22.1 следующего содержания: «объективная истина – соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения». Зачем понадобилось фиксировать в законе определения давно известных науке понятий, ясно не вполне. Тем более что в юридической литературе такие определения излагаются в развернутой, более содержательной форме. Можно было, без всякого ущерба для теории и практики уголовного процесса, и дальше использовать, например, вполне приемлемое и правильное суждение, что «под объективной истиной в уголовном процессе понимается такое содержание знаний (выводов) об обстоятельствах дела, которое верно отражает существующую вне нашего сознания реальность. Эти выводы истинны, если они соответствуют тому, что было и есть в действительности» [5, с. 26]. Возможно, подобное предложение используется лишь как способ плавно подвести к главному, основному, на что рассчитывают инициаторы законопроекта и о чем речь идет ниже по тексту.

В законопроекте далее предлагается ряд новелл принципиального значения, опровергающих известное выражение «новое – хорошо забытое старое», поскольку предлагаемое отнюдь еще не забытое из сравнительно недавнего прошлого, касающегося положения суда в уголовном процессе и его роли в доказывании по уголовному делу. А именно предлагается путем введения ряда новых, дополнения и изменения редакции уже имеющихся статей УПК РФ предусмотреть следующее (отметим самое главное).

1) Суд обязан, наряду с органами и должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование (прокурором, руководителем следственного органа, следователем, органом дознания и дознавателем), принимать все предусмотренные УПК РФ меры к всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию для установления объективной истины по уголовному делу.

2) Суд не связан мнением сторон, при наличии сомнений в истинности мнения сторон он сам принимает все необходимые меры к установлению фактических обстоятельств уголовного дела.

3) Не только профессиональный судья, но и присяжные заседатели оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств уголовного дела.

4) По ходатайству стороны суд возвращает прокурору уголовное дело для устранения препятствий к его рассмотрению в случае неполноты предварительного следствия или дознания, которая не может быть восполнена в судебном заседании, в том числе если такая неполнота возникла в результате признания доказательства недопустимым и исключения из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве.

5) При рассмотрении уголовного дела по существу суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе восполняет неполноту доказательств в той мере, в какой это возможно в ходе судебного разбирательства. При отсутствии возможности устранить неполноту доказательств суд возвращает дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению.

6) Решение суда первой инстанции подлежит отмене или изменению в апелляционном порядке также в том случае, если выявляется односторонность или неполнота судебного следствия.

Даже беглый взгляд на перечисленные «новеллы» позволяет легко узнать в них отошедшие, казалось бы, в прошлое, отвергнутые при формировании уголовного судопроизводства на основе норм Конституции Российской Федерации, положения УПК РСФСР. По существу, их предлагается реанимировать. Но тогда стоит вспомнить, почему им не нашлось места в современном уголовном процессе, и тогда попытаться понять, почему они оказываются вновь востребованными сейчас и как это связано с установлением истины по уголовному делу.

Как известно, первоосновой состоявшегося всего лишь дюжину лет назад реформирования уголовного судопроизводства явилась смена приоритетов в отношениях между личностью и государством, провозглашенное в Конституции РФ и подлежащее последовательному воплощению в реальной жизни принципиальное положение: человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Если раньше, в условиях советского государства, действовал приоритет общественных интересов над интересами личности, то в настоящее время конституционно установлен приоритет прав и свобод человека и гражданина. Соответственно, если предназначением уголовного процесса при советской власти главным образом являлась борьба с преступностью, что соответствует в первую очередь интересам общества в целом, то сейчас на первый план выходит интерес отдельной личности, воплощаемый в ее правах и свободах. В том числе личности, в отношении которой по уголовному делу решается важнейший для ее судьбы вопрос о виновности или невиновности с перспективой подвергнуться уголовному наказанию.

В период подготовки УПК РСФСР доминировали несколько иные идеи, рождавшиеся, как сейчас это ни выглядит странно, под знаменами укрепления демократических основ уголовно-процессуального права: «Назначение уголовного судопроизводства не в констатации виновности или невиновности тех или других лиц, или каких-либо обстоятельств, а в правильном применении мер государственного принуждения к преступникам» [6, с. 23]. Подобные идеи вполне импонировали советской законодательной власти, поскольку они отвечали политике и идеологии бывшего государства, и прежде всего они определяли содержание действующего уголовно-процессуального законодательства. Сформировавшаяся тогда нацеленность уголовного процесса в первую очередь на раскрытие преступления, изобличение виновного и его наказание, как представляется, имеет непосредственное отношение к современным проблемам истины, а необходимость «перенацеливания» процесса в известной мере может объяснить, почему авторы действующего сейчас уголовно-процессуального закона предпочли в нем об истине особо не упоминать.

В условиях, когда главным назначением уголовного процесса считалось раскрытие преступления со всеми вытекающими из этого последствиями, а в качестве цели уголовного процесса прямо провозглашалось прежде всего установление истины [7, с. 40], повелось считать: если преступление раскрыто, значит, истина по уголовному делу установлена, цель уголовного процесса достигнута. Если же преступление раскрыть не удалось, то, наоборот, ни о достижении истины как цели доказывания, ни о достижении цели уголовного процесса в целом говорить не приходится. Произошло

тем самым отождествление истины, возведенной в ранг цели всего уголовного процесса, с раскрытием преступления для последующего наказания виновного. Об этом вполне можно судить по утверждению, что «только процесс, закончившийся установлением объективной истины по делу и соответствующим этой истине приговором, осуществляет задачи социалистического правосудия: карает виновных, охраняя советский правопорядок, оказывает воспитательное воздействие на широкие массы трудящихся, предупреждает отдельные учреждения или предприятия о необходимости устранения неполадок, способствующих совершению преступлений» [8, с. 137].

Когда же задача защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод признается полноценной составляющей назначения уголовного судопроизводства, сложившееся в прошлом представление об истине как цели и доказывания, и одновременно уголовного процесса в целом — при ее отождествлении с раскрытием преступления — уже неприемлемо. Поскольку данная задача может решаться и без достижения по уголовному делу объективной истины — при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления и, соответственно, констатации в соответствии с презумпцией невиновности его непричастности к преступлению. Если с обвиняемого лица снимается обвинение при отсутствии достаточных доказательств его виновности, следовательно, уголовный процесс справляется со своими задачами, он функционирует совершенно нормально и правильно, его назначение вполне осуществляется, хотя задача раскрытия преступления и изобличения действительно виновного лица остается нерешенной. Наиболее важный результат производства по уголовному делу в данном случае состоит в том, что угроза осуждения невиновного устранена, возможная несправедливость предотвращена. Возложение в современных условиях на суд наряду со всеми другими органами уголовного судопроизводства обязанности устанавливать все обстоятельства совершения преступления, то есть устанавливать истину, что равносильно обязанности собирать как обвинительные, так и оправдательные доказательства, уже не соответствует его современной роли, противоречит принципу состязательности уголовного процесса. Тем более недопустимо требовать от суда, чтобы он в какой-либо форме целенаправленно изобличал обвиняемое лицо, в том числе посредством добывания доказательств для устранения допущенных следователем или органами дознания пробелов в исследовании обстоятельств уголовного дела, не позволяющих постановить по уголовному делу обвинительный приговор. Поскольку в подобном случае суд «теряет качество объективности, оказывается “в одной упряжке” с прокурором, следователем и органом дознания» [9, с. 22]. Именно поэтому Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 20.04.1999 г. № 7-П признал неконституционными пункты 1 и 3 части первой ст. 232 УПК РСФСР, согласно которым на суд возлагалась обязанность в стадии назначения судебного заседания возвращать уголовное дело для дополнительного расследования вследствие неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании, а также при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении. Одновременно было признано недопустимым возвращение уголовных дел по указанным основаниям для дополнительного расследования из судебного разбирательства (ст. 258 УПК РСФСР), а также возложение на суд обязанности продолжать судебное разбирательство дела и разрешать на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого в случае отказа прокурора от обвинения (ст. 248 УПК РСФСР). Как указал Конституционный суд, содержание перечисленных статей УПК не согласуется со статьями 10 и 118

Конституции РФ, предусматривающими разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, а также обуславливающими недопустимость возложения на судебную власть каких бы то ни было функций, несовместимых с ее исключительными прерогативами по осуществлению правосудия.

Сказанное не означает, как отмечали критики данной позиции, что при таком положении мы получаем «пассивно-безмолвствующий суд, всецело подчиненный воле сторон» [10, с. 63]. Суд отнюдь не лишается возможности проявлять активность в судебном разбирательстве. Только активность суда может и должна заключаться не в восполнении путем собирания доказательств той или иной направленности пробелов, которые допущены сторонами в отстаивании своей позиции, а в активной проверочной деятельности по выяснению аргументированности позиций сторон, что не исключает и производства следственных действий по собиранию доказательств — допросов, осмотров и т. д., но опять же именно с целью проверки доброкачественности и ценности представленного сторонами доказательственного материала. Иначе в деятельности суда неизбежен или обвинительный, или оправдательный уклон, хотя опасность заключается прежде всего в возможности проявления первого. Не следует подменять понятия «стремление к установлению истины», вполне возможное и оправданное в деятельности суда, и «обязанность установления истины», для суда неприемлемое [11, с. 117, 118].

Ю.А. Ляхов ставит вопрос: чем же вызвана рассмотренная выше инициативе Следственного комитета РФ? И дает ответ, с которым следует согласиться: «Очевидно, прежде всего желанием улучшить показатели работы комитета, переложив часть обязанностей следователей и государственных обвинителей на суды. А то, что при этом серьезно пострадают права и законные интересы российских граждан, не столь важно» [12, с. 58].

Рассмотренные выше перипетии с формированием современных подходов к истине и ее установлению в уголовном процессе ни в коей мере не могут означать, что истина в уголовном процессе уже не нужна. Скорее наоборот, значение истины как цели доказывания в условиях более внимательного и бережного отношения личности осуждаемого лица возрастает. Сегодня как никогда актуально требование, чтобы в основе судебного решения о признании лица виновным и о назначении ему уголовного наказания лежала именно истина и только истина. Без достижения по уголовному делу объективной истины обвинительный приговор по делу вынесен быть не должен. Хотя доказать в судебном разбирательстве, что выдвинутая перед судом версия обвинения отражает истину — дело органов уголовного преследования.

Проблемы истины и ее установления в уголовном процессе нуждаются в дальнейшей углубленной разработке. Однако сама идея объективной истины как цели доказывания при производстве по уголовному делу не должна вызывать сомнений, приводящих, в условиях всплеска внимания к ней, некоторых представителей судейского корпуса к размышлениям о возможности применения гносеологической концепции объективной истины как единственно возможной. С выводом о том, что «в процессе судебного познания *...нам не дано познать первые начала* (и не надо), и мы вынуждены из недостоверных утверждений выводить знания» [13, с. 34, 35]. Отказ от признания объективной истины целью доказывания ведет прямо к заслуженно отвергнутой ранее идее вынесения обвинительных приговоров на основе не достоверности, а вероятности, что открывает широкий простор для осуждения невиновных и тем самым попрания конституционной идеи о высшей ценности человеческой личности.

Не видится необходимости вступать в дискуссию в связи с приведенным выше мнением, поскольку по данному поводу имеется вполне обладающее свойствами истины суждение о том, что «позиция агностицизма... не имеет под собой теоретичес-

ких оснований. И это подтверждается повседневной практикой не только научного, но и уголовно-процессуального познания, убеждающего, что события прошлого познаваемы, каким бы трудным ни был путь познания» [14, с. 16]. Данный вывод не стареет и, можно быть уверенным, не постареет от времени, хотя тот, кому он принадлежит, на рубеже между девятым и десятым десятилетием своей жизни имеет определенные основания считаться уже, увы, не совсем молодым человеком.

Библиографический список

1. Шейфер С.А. Обновление правовой регламентации доказывания по УПК РФ: шаг вперед? // Государство и право. 2004. № 12.
2. Шейфер С.А. Куда движется российское судопроизводство (размышления по поводу векторов развития уголовно-процессуального законодательства) // Государство и право. 2007. № 1.
3. Розин В.М. Новая ситуация в юриспруденции: формы осознания // Состязательное правосудие. Труды научно-практических лабораторий. Вып. 1, ч. 2. М., 1996.
4. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Самара, 1998.
5. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1973.
6. Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М., 1960.
7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968.
8. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1951.
9. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992.
10. Ковтун Н.Н. О роли суда в доказывании по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности уголовного процесса // Государство и право. 1998. № 6.
11. Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999.
12. Ляхов Ю.А. Конституционный принцип состязательности уголовного судопроизводства и права личности // Российская юстиция. 2014. № 3.
13. Туленков Д.П. Проблемы достижения объективной истины в уголовном процессе // Российский судья. 2013. № 4.
14. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и практики правового регулирования. М., 2009.

References

1. Sheifer S.A. Update on legal regulation of proof on the criminal procedure code: step forward? *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2004, no. 12. [in Russian]
2. Shafer S.A. Where Russian proceedings moves (reflections on the vectors of development of criminal procedure legislation). *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2007, no. 1. [in Russian]
3. Rozin V.M. New situation in jurisprudence: forms of awareness. *Sostiazatel'noe pravosudie. Trudy nauchno-prakticheskikh laboratorii* [Adversarial justice. Proceedings of scientific and practical laboratories], Issue 1, Part 2. M., 1996. [in Russian]
4. Sheifer S.A. Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation. Samara, 1998. [in Russian]
5. Fatkullin F.N. Common problems of procedural proof. Kazan, 1973. [in Russian]
6. Yakub M.L. Democratic foundations of the Soviet criminal procedural law. M., 1960. [in Russian].
7. Strogovich M.S. Course of Soviet criminal procedure. Vol. 1. M., 1968. [in Russian]
8. Chel'tsov M.A. Soviet criminal procedure. M., 1951. [in Russian]
9. Concept of judicial reform in the Russian Federation. M., 1992. [in Russian]
10. Kovtun N.N. On the role of court in proving criminal cases in the light of constitutional principle of contentiousness of the criminal procedure. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1998, no. 6. [in Russian]

11. Lazareva V.A. Judiciary and its implementation in the criminal procedure. Samara, 1999. [in Russian]
12. Lyakhov Yu.A. Constitutional principle of contentiousness of criminal justice and individual rights. *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian justice], 2014, no. 3. [in Russian]
13. Tulenkov D.P. Problems of achieving objective truth in criminal procedure. *Rossiiskii sud'ia* [Russian judge], 2013, no. 4. [in Russian]
14. Sheifer S.A. Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and practice of legal regulation. M., 2009. [in Russian]

*V.S. Shadrin**

TRUTH IN MODERN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

The article is devoted to the questions of objective truth as the goal of proof, its correlation with the aim of proof, the role of court in establishing objective truth in a criminal case. Problems of reform of criminal procedure legislation are touched upon. The possibility of establishing objective truth as a result of criminally-remedial proof, of the fallacy to judge in modern conditions from the goal of proof and goal of criminal process in general and also inadmissibility of laying on the court the duty to fill in the gaps of proof made by the authorities of criminal prosecution authorities in pre-trial proceedings is established.

Key words: criminal process, purpose of proof, objective truth, prosecution, court.

* *Shadrin Viktor Sergeevich* (vikt-shadr@yandex.ru), the Dept. of Criminal Procedure and Criminalistics, Saint-Petersburg Juridical Institute (branch) of Academy of General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Saint-Petersburg, 191104, Russian Federation.